

Ю.С. Моркина

Коммуникативный аспект смысла*

В нашем исследовании рассматривается понятие смысла, его коммуникативный аспект. Наряду с традиционным логическим подходом, мы вводим коммуникативный подход, в котором подчеркивается, что смыслы порождаются и существуют в процессе человеческой коммуникации. В связи с этим мы переопределяем понятие смысла, рассматриваем значение анализа интерсубъективности для понимания феномена смысла, а также анализируем носители смысла как сложные идеальные системы. Интерсубъективный и системный аспекты смысла тесно связаны друг с другом, поскольку только в интерсубъективной коммуникации смыслы возникают и обмениваются, и только в коммуникативной среде, подразумевающей интерсубъективность, могут возникать и функционировать носители смысла как сложные идеальные системы.

Что есть смысл?

Понятие смысла, наверное, – одно из самых трудно определяемых понятий в философии. Так, смыслом предложения, по Фреге, может быть мысль¹. Смыслом имени Г.Фреге называл способ за-

* Работа подготовлена в рамках проекта РГНФ № 10-03-00085а «Интерсубъективность как проблема социальной эпистемологии».

¹ См.: *Фреге Г.* О смысле и значении // *Логика и логическая семантика*: Сб. тр. М., 2000. С. 230–247.

дания значения (денотата), иначе говоря, смысл имени – эта та информация о денотате, которая содержится в самом имени. Об имени говорится, что оно обозначает (именует) свой денотат, но выражает свой смысл. Мысль, выраженную предложением, Г.Фреге называл смыслом этого предложения. Смысл и значение как объективные сущности Г.Фреге противопоставлял представлению как субъективному образу предмета, который индивидуален для каждого познающего субъекта. Хотя смысл имени – это объективная сущность, одно и то же имя, может, как отмечал Фреге, ассоциироваться у различных людей с различной информацией о денотате этого имени. Два различных имени могут иметь тождественные денотаты, но обладать при этом различными смыслами (например, имена «Утренняя звезда» и «Вечерняя звезда»); все имена, имеющие тождественные смыслы, обладают тождественными денотатами.

Но Фреге имеет в виду только одну разновидность смысла, а именно, логический смысл слов и предложений². Только для этого понятия верно все, что говорит Фреге о смысле.

Мы знаем, что не только в естественном языке, но и в философском анализе слово «смысл» часто приобретает совсем другие значения.

Существует, помимо логического смысла слов и предложений, смысл эстетический, поэтический, социальный. Философами и социологами было много написано о социальном смысле невербального человеческого мира³. Но и языковое предложение может иметь смысл эстетический, не имея смысла логического:

«А мы сидели на крыше июля
И глядели в небо глаза человечья»

/Елена Полошкина⁴/

² «Так, например, мысль предложения «Утренняя звезда – это тело, освещенное Солнцем» отличается от мысли предложения «Вечерняя звезда – это тело, освещенное Солнцем». Каждый, кому не известно, что Вечерняя звезда есть Утренняя звезда, может счесть одну из этих мыслей истинной, а другую – ложной. Таким образом, мысль не является значением предложения, ее следует рассматривать, скорее, как смысл предложения» (Фреге Г. О смысле и значении. С. 230–247).

³ См.: Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика: язык тела и естественный язык. М., 2004; Абрамова Н.Т. Несловесное мышление. М., 2002; Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / Сост., филос. пер., общ. и научн. ред., послесл. Н.М.Смирновой. М., 2004.

⁴ Полошкина Е. Возможность. Стихотворения. М., 1995. С. 57.

Иными словами, мы пока имеем дело с двумя понятиями смысла:

- 1) узко логическое понятие смысла слов и предложений;
- 2) общее, более широкое понятие смысла, содержащее в себе понятие индивидуального творчества («восприятие смысла – всегда творчество»⁵), которое можно достаточно произвольно подразделять на понятия социального смысла, культурного смысла, музыкального, художественного, поэтического смыслов (последние три понятия объединяются понятием эстетического смысла), экзистенциального смысла и т. д.

Человеческий мир, по образному выражению американского философа М. Натансона, ученика А. Шюца, – основоположника феноменологической социологии, – «светится смыслами». Мы обратимся к А. Шюцу, поскольку взяли за анализ коммуникативного аспекта смысла, а коммуникация подразумевает социум, в котором она происходит. Шюц пишет, что «поскольку Природа конституирована конкретно и единообразно, постольку и само человеческое существование соотносится с существующим жизненным миром как сфера практической деятельности, изначально наделенная *человеческим смыслом*»⁶. «Наш повседневный мир с самого начала есть интерсубъективный мир культуры. Он интерсубъективен, ибо мы живем в нем как люди среди других людей, связанные с ними общим влиянием и работой, понимающие других и являющиеся для них объектом понимания. И это мир культуры, ибо с самого начала жизненный мир есть для нас универсум обозначений, т. е. *смысловая сеть* (Sinnzusammenhang), которую мы должны проинтерпретировать, и *мир смысловых взаимосвязей*, которые мы устанавливаем лишь посредством нашего действия в этом жизненном мире»⁷.

По Шюцу, наивно живущий человек автоматически имеет «под рукой» некие *смысловые комплексы*, которые для него достоверны. Из всего, что он унаследовал и усвоил, из многообразных осаждаемых традиций, привычек и собственных прежних конституирований смысла, сохраняющихся в его памяти и реактивирующихся в различных ситуациях, складывается его запас переживаний свое-

⁵ Касавин И. Т. Смысл как проблема эпистемологии и науки // Эпистемология & философия науки. 2007. Т. XIII. № 3. С. 15.

⁶ Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. С. 188.

⁷ Там же. С. 194.

го жизненного мира как некий «закрытый смысловой комплекс». Этот комплекс обычно является для человека непроблематичным, нерелексируемым, принадлежит к «фоновому знанию». Итак, человеческий мир intersубъективен и наполнен смыслами.

Сам Шюц, однако, не дает своего определения смысла, пользуясь этим словом как словом обыденного языка. Но именно для анализа социальной сферы, организуемой смыслами и порождающей смыслы, особенно важно найти подходящее определение смысла. Наше определение мы считаем в некоторой степени феноменологическим и ни в коем смысле не окончательным. Это наше рабочее определение, которое поможет нам провести анализ значения смысла в коммуникации. Мы обозначим как осмысленное то, что отсылает, кроме себя, к чему-то другому (что можно было бы назвать значением, но мы не будем этого делать, поскольку тогда над нами будет тяготеть многолетняя традиция, берущая начало в различении Фреге). Как осмысленность мы обозначим саму функцию отсылания, а как смысл – то другое, к чему происходит отсылание. Осмысленный объект в нашем анализе – носитель смысла. Носитель смысла может быть материальным объектом или вербальным сообщением (последовательностью звуков).

Необходимость микроуровневой теории intersубъективности для понимания смыслопорождения при коммуникациях

Смыслом для человека обладает все, что его окружает, в том числе все, что связано с другими людьми. Другие люди – в онтогенезе источник осмысления мира вокруг. Ситуации коммуникации являются смыслопорождающими для каждого отдельного человека. Отсюда проблема intersубъективности видится как проблема начал осмысленности человеческого мира. В данном разделе нами предложен микроуровневый подход к понятию intersубъективности.

Проблема intersубъективности входит в число традиционных проблем направления трансцендентальной феноменологии. Но эта проблема не только полностью не разрешима, но и не может быть в полном объеме поставлена в рамках данного направления. Она требует для своей постановки и решения определенного отрыва от традиции и переосмысления, в том числе переопределения само-

го понятия интерсубъективности. Представляется разумным при решении этой проблемы использовать функциональный подход и рассматривать интерсубъективность как функцию социальных коммуникаций. Н.М.Смирнова совершенно справедливо подчеркивает возможную роль социальной эпистемологии как общей парадигмальной матрицы синтеза различных моделей интерсубъективности, междисциплинарного рассмотрения этого понятия с эпистемологической точки зрения⁸. Вообще, Н.М.Смирнова права, особенно когда подчеркивает именно когнитивное основание интерсубъективности – неявное («фоновое») знание. Такое знание является непроблематизированным («само собой разумеющимся», *taken for granted*) основанием социальных коммуникаций, главной характеристикой которых и является интерсубъективность.

Однако интерсубъективность (при размышлении о возможных ее моделях) не всегда имеет когнитивные основания *общекультурного* масштаба, хотя эти основания всегда когнитивны и социальны. Единичные эмпирические коммуникации происходят зачастую всего между двумя субъектами. Интерсубъективные основания этих коммуникаций включают в себя общекультурные знания только в качестве части. Социальны в определенном смысле и индивидуальные представления человека, поскольку приобретены в процессе общения. Но парадокс кроется в том, что знания, приобретенные в результате коммуникаций, могут не лежать в основе последующего общения индивида и не быть основаниями интерсубъективности. Интериоризируясь, «фоновые» неявные знания могут далее не проявляться вербально и никак не опосредовать общение. Они как бы оседают в «индивидуалистическом тупике», влияя на поступки и деятельность личности, но выпадая из сферы коммуникации. Так, М.Полани, введший понятие «неявного знания», понимал под ним знание, которое нельзя выразить в явной форме, обуславливающее личностный характер научной деятельности. Но такое знание, по причине невыразимости, участвует в коммуникациях только опосредовано. Кроме того, общность невыразимого неявного знания для определенной группы людей можно только предполагать, но не теоретически доказать.

⁸ См.: Смирнова Н.М. Интерсубъективность как проблема социальной эпистемологии // Эпистемология & философия науки. 2011. № 1.

Среди моделей интерсубъективности одна из первых была построена Э.Гуссерлем. Гуссерль описывает конституирование сознанием другого сознания в понятиях ассоциативного осознания сходства «моего» тела и тела «другого»⁹. Его описание конституирования сознанием своих объектов – трансценденталистское, оно изначально исходит из общих для всех индивидуальных сознаний структуры и законов конституирования. Сознание для него едино и единственно. Когда критика ставит перед Гуссерлем проблему интерсубъективности – он строит модель, в которой индивидуальные сознания конституируют друг друга по аналогии. Их модели получены путем точного копирования первой модели сознания и, следовательно, во всем друг другу подобны.

С другой стороны к проблеме общности и интерсубъективности подходит представитель социальной феноменологии А.Шюц¹⁰. Он обращает внимание, прежде всего, на общность повседневного мира, в котором мы живем, и распространенных в нем социально обусловленных смыслов. «Биографическая ситуация» (индивидуальная память) – то, что различает субъектов, действующих в этом социально-конституированном осмысленном мире. Внешняя ситуация – то, что разделяется субъектами, при общем учете чего субъекты вынуждены «синхронизироваться», действовать и проживать вместе, «вместе стареть». Сознанию субъекта (как это было у Бергсона и Гуссерля) у Шюца присуще глубоко заложенное неизмеряемое дление (*durée*), постоянное течение. Шюц признает индивидуальность данной длительности, поскольку осознает (помня о «биографической ситуации») индивидуальность сознания, его отделенность от других сознаний и его своеобразие. Но и Шюц, осуществляя философский анализ конституирования сознанием Другого, уделяет недостаточно внимания важной, на наш взгляд проблеме, прямо относящейся к проблеме интерсубъективности. А именно, ни тот, ни другой не исследуют, как Другое конституируется в сознании именно как *другое*, иное. Ведь между совершенно одинаковыми сознаниями невозможна коммуникация. Интерсубъективность – основа коммуникации, и именно поэтому в решение ее проблемы необходимо включать не только общесо-

⁹ См: Гуссерль Э. Логические исследования. Картезианские размышления. Минск–М., 2000.

¹⁰ См: Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом.

циальный, но и индивидуалистический аспект. Необходимо философски обосновывать то, как индивидуальные сознания схватывают различия между собой в процессе коммуникации. В философской традиции, на наш взгляд, внимание уделяется в основном общему, индивидуальное же – ускользает. Философами и социологами строятся модели коммуникации, в которых сознания выступают как совершенно одинаковые. Шюц, правда, отмечает различие «биографических ситуаций» людей, входящих в общество.

Но «биографические ситуации» – только «наполнение» структуры сознания. Все равно за пределом анализа оказываются различия в способах мышления и восприятия и вообще структуры индивидуальных сознаний. Эмпирически же в коммуникации всегда важно, *кто* в нее вступает и с *кем*, и как схватываются участниками именно различия между ними. Зачастую схватывание различий задает тон всей коммуникации. Этот аспект требует философского осмысления. При построении модели интересубъективности, в том числе средствами социальной эпистемологии, необходимо уделять внимание не только моделированию общего (общекультурного, социального вообще), но и частного. При этом можно было бы совместить индивидуалистический и коллективистский подходы, которые в англоязычной литературе резко противопоставляются друг другу¹¹.

Подытоживая, можно сказать: любое сознание так или иначе отнесено к обществу и усваивает общественные смыслы, продуцируемые при коммуникации. В этом – предпосылка интересубъективности как феномена. Но каждое частное сознание отнесено к обществу по-своему – в этом, в обмене различающимися смыслами, – предпосылка коммуникации и проблема для эпистемологической теории интересубъективности. Как совместить в модели трансценденталистскую и плюралистскую установки? Как вообще многообразие человеческих смыслов отразить в теории, если теория должна включать обобщение?

¹¹ См.: Bloor D. Wittgenstein, Rules and Institutions. L., 1997. P. 95.

Функционирование носителя смысла в коммуникации

Один из ответов на этот вопрос в более широком использовании микроуровневых исследований. Человеческое общество, в котором происходят коммуникации, можно изучать в целом или изучать отдельные социальные системы. Это – макроуровень.

Так, Н.Луман строит теорию, применимую к социальным системам. Луман предлагает понимать под системой «не определенные сорта объектов, а определенное различие, а именно: различие системы и окружающей среды»¹². Любая система характеризуется определенной дифференциацией, позволяющей провести границу между системой и ее окружением – т. е. тем, что системой не является. При этом система и ее окружение являются взаимозависимыми категориями. Система и окружающая среда не существуют как некоторая данность, а возникают в результате операций различения, проводимых наблюдателем. Таким образом, системная теория Лумана – это абстрактная теория, описывающая мир как единство различений – система/окружающая среда, поскольку только на основе этого различения формируется представление о системе и ее окружающей среде. Все операции системы являются ее внутренними операциями, т. к. система оперирует только собственными различениями. «Система сама определяет свои границы, она сама вычленяет себя и тем самым конституирует окружающую среду как то, что лежит по другую сторону от ее границы. В этом смысле окружающая среда не является самостоятельной системой и даже влияющим элементом, а только тем, что в качестве совокупности внешних обстоятельств сокращает произвольность морфогенеза систем и прерывает их эволюционную селекцию. “Единство” окружающей среды является ничем иным, как коррелятом единства системы, т. к. все, что является для системы единством, определяется системой»¹³.

«Смысл здесь понимается как принцип селективной связи или коннекции элементов сложной системы», – говорит А.Ю.Антоновский о социальных системах и коммуникациях в них¹⁴.

¹² *Москалев И.Е.* Сети научных коммуникаций: междисциплинарный подход // *Философия науки.* Вып. 11. М., 2005 С. 199.

¹³ *Luhmann N.* Ökologische Kommunikation: kann die moderne Gesellschaft sich auf ökologische Gefördungen einstellen? Opladen, 1986. S. 23.

¹⁴ *Антоновский А.Ю.* Обсуждаем статьи о сложности // *Эпистемология & философия науки.* 2008. № 4. С. 173.

На микроуровне исследование смещается с целой социальной системы на отдельные коммуникации и даже единичные коммуникативные акты. Парадокс в том, что, хотя при исследовании на микроуровне на первый план выступает частное, единичное, для такого исследования необходима некая общая методология, общая теория.

Социальный мир, мир коммуникаций «светится смыслом». Он «светится смыслом» для каждого коммуницирующего индивида в каждом единичном акте коммуникации.

В противовес абстрактной теории социальных систем Н.Лумана, мы обратимся к микроуровню, и тут попытаемся здесь проследить связи между коммуникацией и смыслом.

Носители смысла выполняют функцию отсылания к тому, что не есть они сами. Эту функцию мы назвали осмысленностью. Эту функцию они способны выполнять только для человека. То, к чему они отсылают – смысл – порождается и существует в коммуникациях. Хотя возможны персональные, личностные смыслы, их наличие у человека подразумевает след многочисленных коммуникаций, в которые он включался с детства.

Это хорошо описал объяснил Д.Блур, приверженец «коллективистского» подхода к знанию, полемизируя с «индивидуалистами». Во-первых, он указывает на то, что индивидуалисты не учитывают различия между физической и социальной изоляцией. Он объясняет, что отношения «лицом к лицу» в социуме протекают эпизодически, в промежутках же субъект изолирован физически, но не социально. Человек общается с друзьями, коллегами по работе, но часто завтракает и ужинает в одиночестве, в одиночестве размышляет, без непосредственных социальных контактов с другими лицами. *Отношения «лицом к лицу» в социуме имеют не физический, но когнитивный характер*, как это блестяще замечает Блур. Институты существуют постольку, поскольку эти отношения происходят и помнятся. Память о непосредственном общении, верования, ожидания насчет будущего общения включаются в человеческую активность. Интервал же физической изоляции во времени пластичен и варьируется для разных институтов. В соответствии с этой точкой зрения Робинзон на острове был изолирован физически, но не социально, поскольку имел позади длительный опыт социальной жизни, а также думал о бу-

душем, может быть, далеко, возвращении к людям. Социально он никогда не был изолирован. Он продолжал быть «сущностно социальным существом»¹⁵.

Единицей вербальной коммуникации является сообщение – осмысленная последовательность звуков. Чтобы понять, как функционирует в коммуникации носитель смысла, мы воспользуемся метафорой сложной идеальной системы и будем утверждать, что любой носитель смысла является такой сложной идеальной системой. Идеальные *системы* являются продуктом человеческого мышления. К ним относятся научные понятия, гипотезы, теории, последовательная смена научных теорий, формализованные системы (металогика, математика), а также сама теория систем как научное знание.

Идеальные системы могут быть сложными, если к ним возможно применять понятие сложности, разработанное для материальных систем. Такое применение имеет определенную специфику, поскольку, исследуя системы, порожденные человеческим мышлением, мы имеем право считать их сложными настолько, насколько сложным мышлением они порождены и насколько сложное мышление порождает, будучи актуализированы. Их сложность связана со сложностью мышления и сознания.

Применяя понятие сложности к элементарным материальным носителям смысла, таким как сообщение, значок, знак отличия, табличка с указателем, следует помнить, что эти носители являются сложными идеальными (а не материальными) системами, т. е. что их сложность актуализируется только для человеческого мышления и сознания. Они сами порождены коммуникацией и участвуют в коммуникации. Их сложность заимствована не только от сложности мышления и сознания, но и от сложности коммуникации, в которую сознание вступает. Простейший материальный носитель смысла – например, значок – выступая как посредник в коммуникации человека с обществом, становится сложной идеальной системой. В такой ситуации коммуникации он обладает такими свойствами, как множественность и разнообразие возможных интерпретаций, дающая сознанию возможность выбора, целостность (холизм) того смысла, которое сознание ему придаст,

¹⁵ См.: Bloor D. Wittgenstein: A Social Theory of Knowledge. Macmillan and Columbia, 1983. P. 16.

а также эмерджентность этого смысла, рождающегося из взаимодействия его как идеальной системы и сознания интерпретатора. Осмысленность выступает организующим фактором сложной идеальной системы.

Мы отличаем осмысленность от смысла. Как уже было сказано, осмысленность – это функция отсылания к чему-то другому, отличающемуся от отсылающего. Это – вектор, противоположный вектору интенциональности: не «к» образу, чувству, материальному объекту, а «от» него. В то же время смысл, то «к» чему направлен вектор осмысленности – не обязательно является чем-либо, четко определяемым: ментальным образом, чувством, материальным объектом. Он может быть смешением, «гибридом» вышеперечисленного, он может быть едва уловимым ощущением, исчезающе неопределенным. Вектор осмысленности – не указание «от» носителя смысла, а «соскальзывание» с этого носителя. В связи с этим использование понятия смысла – того, к чему отсылает «соскальзывающий» вектор, – становится рискованным. Сам смысл, а вместе с ним носитель смысла как идеальная система, являются «рискованными структурами», часто неустойчивыми, зависящими от капризов восприятия и «потока сознания» интерпретатора. Если мы вспомним, что одна из разновидностей носителей смысла – вербальное сообщение, единица вербальной коммуникации, то отсюда можно сделать вывод о неустойчивости («неравновесности») самой коммуникации.

Итак, носитель смысла можно рассмотреть как сложную идеальную систему. Конечно, смыслом для человека обладают и простые материальные объекты, такие как значки, знаки отличия, бланки для справок, таблички с указателями и т. д. и т. п., но природа носителей смысла такова, что они, будучи зависимы от мышления и сознания их интерпретатора, являются *сложными идеальными системами* на том онтологическом уровне, на котором им присущ смысл. Одновременно они могут быть достаточно простыми материальными объектами.

Еще одно из понятий, которое можно перенести из теории сложных (материальных) систем в теорию сложных идеальных систем и, следовательно, применить к носителям смысла как сложным идеальным системам, – понятие *операциональной замкнутости*.

Что нам дает понятие *операциональной замкнутости носителей смысла*? При использовании этого понятия для анализа становится понятно, как преодолевается разрыв между коммуникантами в коммуникации. Смысл – каков бы он ни был, насколько он не является расплывчатым, личностным, непередаваемым или же четко вербализуемым – любой смысл как бы «замкнут» в сознании человека, который о-смысляет, в его психофизическом состоянии.

Порождая носитель смысла, например, вербальное сообщение, коммуникант считает, что «передает» свой смысл второму коммуниканту или группе или даже всему обществу. Но тут и возникает разрыв – смысл интересубъективен не в том смысле, что «передается» как вещь из рук в руки или как ток по проводам, но в том, что некий смысл участвует в порождении носителя смысла, при «считывании» (интерпретации) которого коммуникантами в их сознаниях опять возникает некий смысл (не изначальный, но свой, личностный, в порождении которого не последнюю роль играет «биографическая ситуация» каждого коммуниканта). Так что же остается от первоначального смысла, что преодолевает этот разрыв?

Ответ на этот вопрос мы получим, если согласимся использовать понятие, рожденное из метафоры. Допустим, носитель смысла как сложная идеальная система операционально замкнут. Он открыт толкованиям и интерпретациям, бесконечному множеству интерпретаций, но при этом *не любых* интерпретаций. Так, знак указателя, показывающий налево, наделяется видящим его субъектом самыми разными смыслами, в зависимости от того, где установлен, помогает ли интерпретатору найти дорогу, куда он вообще идет и что для него лично значит это передвижение – небольшую прогулку, путешествие в незнакомом городе или стране, поездку в отпуск или трудовую командировку, возвращение домой. Итак, этот указатель будет наделяться разными личностными, даже экзистенциальными смыслами. Но при всем при этом его операциональная замкнутость означает, что он никогда не будет восприниматься как указатель, показывающий направо.

Конечно, поскольку сложные идеальные системы зависят от мышления и сознания их создателей и интерпретаторов, то и эта операциональная замкнутость обеспечивается социальными конвенциями, существующими в человеческом обществе. Как спра-

ведливо отмечал А.Шюц, отдельный человек приходит в мир, уже осмысленный обществом в целом, и принимает готовые смыслы вещей от общества, в которое пришел:

«...Изначально мир повседневной жизни является для нас универсумом значений, текстурой смыслов, которые мы должны интерпретировать, чтобы найти в нем свое место и поладить с ним. Эта текстура значений... возникает и институциализируется в человеческой деятельности, нас самих и наших товарищей, современников и предков. Все объекты культуры – инструменты, символы, языковые системы, миры искусства, социальных институтов и т. д. – самим своим происхождением и значением указывают на деятельность человеческих существ. Поэтому мы всегда осознаем историчность культуры, данной нам в традициях и обычаях. Эту историчность можно рассматривать в ее отношениях к человеческой деятельности, осадком которой она является»¹⁶.

Шюц начинает с этого свою работу «Методология социальных наук». Действительно, этот феноменологический факт является настолько основополагающим для анализа любого человеческого действия, включая и коммуникацию, что с него следует начинать анализ. Общество, вернее, *система прежних коммуникаций*, определяет, наряду с «биографической ситуацией», спектр возможного смыслопорождения при толковании значения каждого носителя смысла. На любом, даже порожденном только что носителе смысла как бы оседают следы всех прежних коммуникаций. Итак, носителям смысла присуща избирательность и вместе с тем свобода толкований, смыслов, которые они допускают, и это их свойство проявляется, когда они опосредуют коммуникацию.

* * *

Смыслопорождение – сущностная особенность человеческого бытия, присущая только человеку. Человек наделяет смыслом все, что видит вокруг себя. Но эта способность смыслопорождения социальна по своей сущности. Смыслы порождаются человеком в результате коммуникации, что делает интерсубъективность од-

¹⁶ Шюц А. Методология социальных наук // Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. С. 13–14.

ним из важнейших понятий, необходимых для анализа феномена о-смысленности человеческого мира. Мы указали на необходимость микроуровневого исследования коммуникаций – в каждом отдельно взятом случае – исследования того, как на микроуровне в обществе порождаются и функционируют смыслы. Носители смысла рассмотрены нами как сложные идеальные системы, обладающие операциональной замкнутостью, что обеспечивает осуществление коммуникации с их помощью.